

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-129-138

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Р.И. Хаяли*¹

Введение
Положение конфессионального
образования
Усул-и-джадид Исмоила
Гаспринского и новометодный
мектеб
Медресе на пути реформ
Заключение

Поступила в редакцию: 23.06.2019.
Передана на рецензию: 29.06.2019.
Получена рецензия: 15.07.2019.
Принята в номер: 30.08.2019.

Модернизация конфессиональной системы образования в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; rustocean_79@mail.ru

В статье рассматривается состояние конфессиональной системы образования в Крыму в составе Российского государства. Образование в частных и вакуфных мектебах строилось на изучении арабского языка, Корана и Сунны. В начале XX века под эгидой Исмоила Гаспринского усилиями национальной интеллигенции осуществляется модернизация конфессиональной системы образования на принципах усул и джедид (новый метод). Накануне первой мировой войны во всех мектебах Крыма обучение осуществлялось по новому методу.

Существенные изменения претерпевает обучение в крымских медресе. В соответствии с программой общих правил для крымских медресе, разработанной в 1906 г. крымскотатарской интеллигенцией, здание медресе должно было отвечать санитарно-гигиеническим нормам. При медресе действовала общая и отдельная кухня. Учительский персонал состоял из мудериса и его помощников. Преподавательский состав должен был быть одобрен ТМДП. В каждой комнате мудерисом назначался старший над учениками, который следил, чтобы ученики готовили уроки и соблюдали порядок, а о провинившихся докладывал мудерису или его помощнику. Во всех медресе устанавливались единые требования к обучению на основании программы, одобренной ТМДП. В медресе принимались ученики не моложе 12 лет, окончившие мектеб. По окончании медресе выпускникам выдавались свидетельства. Лица, поступающие в медресе, принимались без экзаменов. В процессе учебы сохты сдавали экзамены с разрешения ТМДП и назначаемых им экзаменаторов, результаты которых заносились в журнал.

Ведущая роль в модернизации конфессиональной системы образования принадлежала джадидам.

Ключевые слова: *Крым, конфессиональная система образования, модернизация, мектеб, медресе, джадида.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-129-138

¹ *Рустем Изеттович Хаяли* – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор исторических наук, доцент.

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

R.I. Khayal²

Introduction.
The position of religious education
Usul-I-Jadid of Ismail Gasprinsky and
the newfangled Mekteb.
Madrassas on the way of reforms.
Conclusion.

Received: 23.06.2019.
Submitted for review: 29.06.2019.
Review received: 15.07.2019.
Accepted for publication: 30.08.2019.

The Upgrading of Confessional Education System in the Crimea in the Latter Half of the 19th –Early 20th Centuries

Crimean Law Institute (branch) of the Public Prosecution Office University of the Russian Federation; rustocean_79@mail.ru

The article deals with the state of the confessional education system in the Crimea as part of the Russian Empire. Education in private and Waqf mektebs was based on the study of the Arabic language, the Quran and the Sunnah. In the early twentieth century, under the auspices of Ismail Gasprinsky, national intelligentsia modernized the confessional education system on usul and jedid (new method) principles. On the eve of the First World War, in all mektebs of the Crimea training was carried out in the new methodology.

Education in the Crimean madrassah was undergoing significant changes. In accordance with the Program of Common Rules for the Crimean madrassah developed in 1906 by the Crimean Tatar intelligentsia, the madrassah building were to meet sanitary and hygienic standards. The madrassah had a common and separate kitchens. The teaching staff consisted of a muderis and his assistants. The teaching staff was to be approved by the Taurian Moslem Spiritual Administration (TMSA). In each classroom, the muderis appointed a senior, who saw to it that the students prepared their lessons and complied with the order, and the delinquent were reported to the muderis himself or his assistant. All madrassah introduced uniform requirements for training upon the program approved by the TMSA. The madrassah enrolled students not younger than 12 years, who had finished mekteb. At the end of their studies, madrassah graduates were issued certificates. Applicants to the madrassah were accepted without examinations. In the process of learning students were required to take exams with the permission of TMSA and submit their works to examiners. The results of the exams were recorded.

The leading role in the upgrading of the confessional education system belonged to the jadids.

Keywords: *the Crimea, the system of religious education, Mekteb, masrasah, jadids.*

Введение

В XIX в. в уездах и городах Крыма при мечетях действовали общественные и частные мектебы. Если в 1783 г., по описанию барона Игельстрома, в Крыму, не учитывая Феодосию и Перекоп, а также Кезлевское и Перекопское каймаканства, действовало 35 мектебов, то в 1876 г. насчитывалось 34 мечетские и 116 частных учебных заведений, в которых обучалось 2610 мальчиков и 1112 девочек. В среднем на одну школу приходилось 20 детей. В 1892 г. общее количество мечетских мектебов выросло до 347, в них обучалось 5217 мальчиков и 4102 девочки. В 128 частных мектебах обучалось 1177 мальчиков и 1245 девочек. Следует заметить, что статистика количества мектебов в конце XIX в. в архивных документах и научной литературе противоречивая [1, л. 115–115 об.; с. 128–129]. Это

² Rustem Izatovich Khayal – Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of the Crimean Law Institute (branch) of the Public Prosecution Office University of the Russian Federation.

свидетельствует о том, что школьная система образования являлась гибкой. Мектебы открывались на определенное время там, где имелись учащиеся и где была потребность. В это время один мектеб приходился на 250–300 душ крымских татар. Один из местных чиновников развитие системы образования крымских татар считал заслугой Российского государства, которое сделало в прошлом воинственный народ мирным, а край тихим [2, л. 115–115 об.].

Также следует выделить вакуфные мектебы с годовым доходом в 500 рублей. В отличие от частных, где обучались мальчики и девочки, в вакуфных мектебах числились преимущественно мальчики. Прием детей в мектеб осуществлялся с 4 лет. В целом по Крыму к концу XIX в. частных мектебов было больше, чем вакуфных. Это объяснялось планомерной продажей вакуфной земли мусульманскими священнослужителями и мурзачеством, а также ликвидацией вакуфных земель местной администрацией [3, л. 124].

Положение конфессионального образования

Частные мектебы открывались с разрешения директора народных училищ Таврической губернии. Наиболее крупным учебным заведением этого типа был евпаторийский мектеб Меджибея, где обучалось до 80 детей. Но значительная часть крымских мектебов обычно имела от 5 до 25 учеников. Обучение детей осуществлялось по старым методам. Учащиеся изучали Коран, при этом письму не обучались. Ученики при чтении текста или его заучивании, чтобы не мешать друг другу и не отвлекаться, сидя раскачивались из стороны в сторону [4, л. 126 об. – 127]. Значительная часть мектебов в конце XIX в., особенно в сельской местности и отдаленной глубинке, не отвечала требованиям времени и санитарно-гигиеническим нормам. Скученность учащихся в тесных, темных, пыльных помещениях при многочасовых занятиях была обыденностью крымских мектебов, что существенно отличало их от учебных заведений (земских, частных или конфессиональных) других этнических групп Крыма.

В конфессиональных мектебах обучение детей начиналось с арабского алфавита и арабской азбуки, а затем арабской грамматики. В подавляющей части мектебов педагоги не знали арабского языка в достаточной степени. Фактически обучение велось с помощью механического заучивания текстов. Методика обучения, с точки зрения современной педагогики, была классической. Учитель обучал старших учеников, а те, в свою очередь, младших, которых время от времени проверял учитель. Обучение в мектебах продолжалось почти круглый год, а курс обучения составлял от 3 до 5 лет. Система учебного процесса строилась по Сунне и с учетом обязанностей мусульманина. Ежедневное обучение начиналось с 6 часов утра и продолжалось до обеда, а потом с 2–3 часов до 5–6 часов дня. Экзамены как форма проверки знаний учеников в мектебах не применялись [5, л. 130–130 об.].

По утверждению современника Ф.Н. Андриевского в мектебах «наказания по своей жестокости доходят до степени средневековых пыток» [6, с. 145]. Этой же точки зрения придерживается и современный историк В.Ю. Ганкевич, считающий, что «в числе средств воспитания» были не только оплеухи, подзатыльники и кулаки. Порой оджа мог повалить своего ученика и остервенело топтать его ногами. Для третирования учеников широко использовались палки «чубуки», которыми оджа колотил провинившегося ребенка по чему попало. А особо изощренные учителя применяли так называемую фалангу, представлявшую собой ремennую или веревочную петлю, на которой подвешивали провинившегося ученика за ноги головой вниз или за руки и били палкой по пяткам. Процедура наказания происходила на глазах у всех учеников, и напуганные дети начинали еще громче кричать тексты урока, заглушая вопли своего товарища. В качестве

доказательства В.Ю. Ганкевич приводит пример из жизни туркестанских мектебов, ссылаясь на Т.Н. Кары-Ниязова [7, л. 32–33].

Что касается эмоциональных утверждений Ф.Н. Андриевского, то здесь, безусловно, чувствуется стремление чиновника принизить существовавшую систему образования. По поводу фаланги лучше всего обратиться к источникам того времени. По мнению директора народных училищ Таврической губернии, осуществлявшего ежегодный осмотр мектебов и медресе в середине 90-х годов XIX в. (отчет за 1893–1897 гг.), это страшное орудие в крымских мектебах «уже давно не применяется, а служит для напоминания». В женских мектебах такое орудие вообще отсутствовало, а в мужских – «они лежат в пыли». «Надо думать, что они совсем не употребляются или к ним редко обращаются» [8, л. 128].

С другой стороны, известны исторические произведения русских и зарубежных исследователей, отразивших беспристрастно менталитет крымцев, в соответствии с которым едва ли кто-нибудь из родителей позволил бы учителю остервенело топтать своего ребенка ногами или бить фалангой. Однако в любом случае необходимо отметить, что ни Ф.Н. Андриевский, ни его современники, в том числе и крымскотатарские педагоги новой генерации, активно выступавшие за усовершенствование системы национального образования, не приводят конкретных фактов использования фаланги как средства воспитания учеников в крымских мектебах. Хотя все они признавали, что в мектебах нерадивым ученикам доставались пощечины, удары кнутом, палкой [9, л. 140].

В целом нужно признать, что мектебы всех типов не соответствовали потребностям времени. Они не отвечали запросам быстро модернизирующейся экономики и социальным изменениям в обществе.

Усул-и-джадид Исмаила Гаспринского и новометодный мектеб

В связи с этим определяющая роль в системе образования крымских татар в начале XX столетия принадлежала новометодным мектебам. Подвижником усул-и-джадид выступал просветитель Исмаил Гаспринский. В своей статье «Что такое мектеб и новый метод?», выпущенной в качестве приложения к газете «Терджиман» № 37 за 1894 г., он писал, что отличительные и главные правила нового метода заключаются в том, что дети в мектеб принимаются не в текущем порядке в течение всего учебного года, а два раза в год, в установленное время. В отличие от конфессиональных мектебов, где учеников изначально обучали арабской грамоте, по новому методу обучали родному языку, т. е. тюркскому (татарскому) на основе постепенного изучения азбуки. И лишь через определенный срок, усвоив грамматику и письмо родного языка, дети переходят к изучению арабского языка. При этом Коран и изречения из религиозных книг не изучаются. При таком методе обучения уже через 30–40 дней ученики овладевают азами письма и чтения на родном языке. Новый или систематический метод основывался на принципе обучения от простого к более сложному [10, л. 135–137].

Среди новометодных учебных заведений в конце XIX в. выделялся бахчисарайский мектеб Кайтаз-ага с охватом 35 учеников. Он был устроен по образцу русской школы и разделен на 4 отделения. Ученики сидели попарно за школьными столами; в классе имелась доска. В отличие от конфессиональных мектебов, учеников обучали на основе нового метода чтению и письму, прежде всего на родном языке, а потом уже переходили к арабскому. Это позволяло ученикам в короткие сроки достигнуть заметных успехов. Среди других предметов, которым уделялось внимание в новометодных мектебах, нужно выделить арифметику. Помимо этой школы в Бахчисарае имелась еще одна, где преподавали по новому методу. Плата за обучение составляла 1 рубль в месяц [11, л. 128–128 об.]. В отдельных новометодных мектебах также изучали русский язык. Часть крымских татар не поддерживала распространение новометодных мектебов. О случае

закрытия школы в Алушке, открытой в свое время Асаном Сабри Айвазовым, сообщает «Герджиман» [11].

В 1906 г. в Бахчисарае с целью усовершенствования системы образования всех типов мектебов и стандартизации учебного процесса по инициативе Исмаила Леманова с участием Исмаила Гаспринского была образована особая комиссия, которая разработала программу, рассчитанную на четыре года, основанную на принципах джадидизма. В составе комиссии работали учителя всех типов мектебов и русско-татарских школ. Поначалу принятая программа постепенно внедрялась в Бахчисарае и его окрестностях, а в последующем была принята во всех типах школ национальной системы образования. Внедрение программы выдвинуло на повестку дня подготовку новых учебников и книг [12, л. 14–15].

«Программа общих правил для крымскотатарских духовных мектебов (1908 г.)» устанавливала, что здание учебного заведения должно отвечать санитарно-гигиеническим нормам. В каждом мектебе должен быть учитель и его помощник. Старший из духовенства мечети по назначению Таврического магометанского духовного правления (ТМДП) наблюдал за ходом учения и за нуждами школы и доносил в ТМДП. В мектеб принимались дети не моложе 7 лет, а курс учения составлял четыре года. Обучение продолжалось 8 месяцев, после чего ученики сдавали экзамен и уходили на летние каникулы. Дурной поступок или плохое поведение ученика наказывались более гуманными способами. Недопустимы были наказание розгами или иным физическим способом, издевательства над учениками. Учитель и его помощник должны были неустанно следить за нравственностью учеников, чистоплотностью и совершением богослужений. Отныне преподавание велось по новому методу и новейшим учебникам. В мектебах по новым правилам преподавались следующие предметы: правильное чтение Корана, правописание и чистописание, обучение вере и догмам религии, начальной арифметике, истории ислама, толкованию персидских слов. Все учебники должны были быть одобрены ТМДП, а преподавание дисциплин осуществляться по программам. Преподавание русского языка в духовных начальных мектебах не допускалось. Русскому языку обучались при поступлении в высшие духовные училища – медресе. По окончании мектеба учащимся выдавались свидетельства [13, л. 10–10 об.].

Внедрение программы в крымских мектебах позволило унифицировать учебный процесс, стандартизировать методику обучения на основе джадидизма, что существенно отразилось на качестве подготовки учащихся и повышении авторитета системы образования.

До 1905 г. в Крыму крымскотатарские дети в основном обучались в конфессиональных мектебах – мечетских и частных. Лишь с 1905 г. в практику широко стали вводиться новометодные школы со звуковым методом обучения и преподаванием арифметики, географии и других дисциплин [15, л. 230–230 об.].

Отныне школьная система, наряду с культурными институтами также стала играть важную роль в формировании этнической идентичности крымцев.

К началу 1914 г. большая часть мектебов утратила свой конфессиональный характер, превратившись с введением общеобразовательных и профессиональных предметов в школы общего типа. Отличием крымского джадидизма был высокий уровень образования учителей, многие из которых в последующем стали играть заметную роль в общественной политической жизни Крыма [16, с. 122–122]. Всего в 1914 году в населенных пунктах Крыма функционировало 500 мектебов с 16 тысячами учащихся и 21 медресе [17, л. 1–8]. По другим данным в 1917 г. имелось 360 мектебов с охватом 11 тысяч детей. В 1914 г. девочки в составе учащихся составляли 17,6 % [18, с. 302]. Это были неплохие показатели. Для сравнения: в 1914–1915 гг. на территории Крыма имелось 849 общеобразовательных

школ, где обучалось 67 тысяч человек [19, с. 515]. В это время функционировало также 48 средних учебных заведений с 2426 учащимися. Высшие учебные заведения в регионе отсутствовали [20, с. 404].

Медресе на пути реформ

Значимую роль в системе конфессионального образования играли медресе. В 1783 г., по описанию барона Игельстрома, в Крыму, не учитывая Феодосию и Перекоп, а также Кезлевское и Перекопское каймаканства, действовало 25 медресе. В конце XIX в. функционировало 80 медресе [21, л. 115–115 об.]. Часть медресе Крыма содержалась за счет доходов с вакуфных земель. Например, Зынджирлы медресе в округе г. Бахчисарая имело 4 тысячи десятин земли, приносящих доход в 15 тысяч рублей. Половина из этой суммы шла в распоряжение мудериса, а другая – на содержание медресе и 70 обучавшихся сохт. Зынджирлы медресе по своим доходам было исключением из правил. Оценивая роль медресе, И. Гаспринский писал, что оно – одно из старейших заведений России и является самым богатым мусульманским учебным заведением, не исключая и среднеазиатские [22, с. 265].

Другие бахчисарайские медресе, например, Ханское медресе имело с вакуфов 150 руб. доходов для мудериса, а в Орта медресе ежегодный доход составлял 1200 руб. Симферопольское, Карасубазарское и Евпаторийское медресе и того меньше, так как пользовались только дарованными вакуфными помещениями. Поэтому в медресе, где доход в среднем составлял 100 рублей, сохты содержались за свой счет, как и в бахчисарайских Ханском и Орта медресе. Помещения в медресе не отвечали стандартам времени и были темными, с глиняными пыльными полами. На 3–4 сажнях размещались 10–12 сохт [23, л. 117–118 об.].

В Зынджирлы медресе обучение начиналось 1 октября и заканчивалось в канун мая. Однако этот порядок не был одинаков в крымских медресе. В остальных конфессиональных учебных заведениях этого типа обучение начиналось в ноябре и заканчивалось в марте или апреле, когда сохты отправлялись по своим домам. Это во многом объяснялось тем, что сохты должны были заработать на пропитание и обучение, содержание мудериса. Продолжительность обучения в медресе составляла 15–20 лет и очень часто среди сохт можно было встретить женатых и семейных. Основными предметами в медресе были арабский язык, Коран и его толкование, арифметика. Что касается арифметики, то и она как предмет изучалась не во всех медресе. Сохт обучал мудерис, который имел помощников. Им мудерис платил по 400 рублей в год. Например, в Зынджирлы медресе мудерис имел двух помощников. В остальных медресе их, как правило, не было. В медресе отсутствовали журналы, архивы и, как правило, документальный учет учебного процесса не велся [24, л. 120–120 об.].

В соответствии с программой общих правил для крымских медресе, разработанной в 1906 г. крымскотатарской интеллигенцией, здание медресе должно было отвечать санитарно-гигиеническим нормам. При медресе действовала общая и отдельная кухня. Учительский персонал состоял из мудериса и его помощников. Преподавательский состав должен был быть одобрен ТМДП. В каждой комнате мудерисом назначался старший над учениками который следил, чтобы ученики готовили уроки и соблюдали порядок, а о провинившихся докладывал мудерису или его помощнику. Во всех медресе устанавливались единые требования к обучению на основании программы, одобренной ТМДП. Мудерис назначался и увольнялся ТМДП. В медресе принимались ученики не моложе 12 лет, окончившие мектеб. По окончании медресе выпускникам выдавались свидетельства. Поступающие в медресе принимались без экзаменов. В процессе учебы сохты сдавали экзамен с разрешения ТМДП и назначаемых им экзаменаторов, результаты которого заносились в журнал. Они обязаны были относиться к старшим с уважением и не

употреблять дурных или ругательных слов, что строго наказывалось. Ученики проводили богослужение в мечети 5 раз в день и соблюдали распорядок дня и режим. В обязанности им также вменялось аккуратное посещение уроков и лекций. Без разрешения мудериса или надзирателя сохты не имели права отлучаться из медресе. В категорической форме запрещалось употребление спиртных напитков. Составной частью этикета было вежливое обращение, а при разговорах в комнатах запрещалось шуметь, мешать другим и спорить. В медресе ученики изучали следующие науки: этимологию, синтаксис, мораль, словесность, логику, риторику, священную историю, грамматику, духовную юрисдикцию, разного рода руководства для преподавания наук, догматы религии, изречения Пророка, толкование Корана, духовную философию, эстетику и арабский язык. Все учебники утверждались ТМДП, а преподавание дисциплин осуществлялось в соответствии с программами. Преподавателям необходимо было опрашивать на уроках каждого ученика и требовать, чтобы ученики объясняли друг другу уроки. Срок обучения в медресе устанавливался 14 лет. Для преподавания русского языка при медресе рекомендовалось иметь министерский или земский класс [25, л. 11–12 об.].

В 1912 г. ТМДП для открытия мусульманской духовной семинарии запланировало проведение собрания мусульман Крыма с участием редактора газеты «Терджиман» Исмаила Гаспринского, депутата Государственной Думы Абдурешита Медиева, председателя Симферопольского благотворительного общества Исмаила Муфтий-заде А. Муфтий-заде. Всего 39 человек [26, л. 1–1 об.]. В феврале 1914 г. Таврический муфтий обратился к Таврическому губернатору с письменным ходатайством о созыве съезда для обсуждения вопроса открытия мусульманских духовных семинарий [27, с. 14].

Мусульманскую духовную семинарию для подготовки учителей мектебов предполагалось открыть в Бахчисарае, под ведением МВД или МНП на средства вакуфа, а не на средства каких-либо благотворительных организаций. В духовной гимназии предполагалось ввести программу, составленную ТМДП и утвержденную правительством по принадлежности и носящую исключительно религиозный характер [28, л. 7–7 об.]. С началом Первой мировой войны сохты медресе стали в массовом порядке призываться на военную службу. По этому поводу председатель мусульманской фракции Государственной Думы Т.Б. Тевкелев 8 января 1916 г. в своем обращении в ТМДП отмечал, что медресе не имеют тех льгот, какие имели христианские учебные заведения, вследствие поголовного призыва выпускников медресе и выполнения ими воинской повинности. В Таврическом муфтияте по инициативе отдельных мудерисов был поднят вопрос о возбуждении соответствующего ходатайства для отсрочки учащимся духовных учебных заведений и даже предприняты конкретные шаги. В свою очередь Т.Б. Тевкелев заверил, что Мусульманская фракция будет добиваться решения этого вопроса в Государственной Думе. Решить этот вопрос политическим деятелям и ТМДП так и не удалось. 23 февраля 1916 г. в соответствии с решением съезда уездных кадиев по вопросу об изменении программы медресе и мектебов в присутствии исполняющего делаами Таврического кадиаскера Джелял мурзы Кантуганского было принято решение о передаче разработанной программы медресе и мектебов в особую комиссию духовных лиц [29, л. 11–11 об., 12, 16–16 об.].

Заключение

Наиболее успешно модернизация конфессионального образования прошла в Бахчисарае. Так, в обращении Бахчисарайской городской управы к инспектору народных училищ Симферопольского района отмечалось, что в 1907 г. из города в другие населенные пункты на обучение направлено 23 ученика. Кроме этого, в училище г. Бахчисарая обучалось 293 мальчика, в мектебах – 487 и медресе – 105. Также сообщалось, что общее количество детей, которых необходимо привлечь к обучению, неизвестно, но их более 1000 [30, л. 16].

Развитие системы образования имело дуалистический характер, проходило по инициативе местной интеллигенции, испытав на себе влияние российской светской системы образования.

Наркомпрос, оценивая образовательные процессы в крымскотатарской среде в межреволюционный период, в документе «Вопросы народного образования среди крымскотатарского населения» (за 1922–1923 гг.) отмечал, что из всех народов Крыма татарское население в дореволюционное время меньше всего пользовалось правом культурного развития. Немногочисленная татарская интеллигенция – это продукт русской школы старого типа или турецких учебных заведений, которые снабжали познаниями крымских татар, так сказать, контрабандой, наперекор стараниям Лавриновских, Думбадзе, Карашайских – руководитель – МДПК (Мусульманское духовное правление Крыма. Речь идет о ТМДП.). После революций 1905–1917 гг. в татарской деревне стали востребованы хорошие школы типа реформированного мектеба в духе Исмаила Гаспринского. Правда, в этих мектебах все еще большое значение придавалось арабскому языку, сторонником которого выступало духовенство, но эти усилия в значительной степени были ослаблены живой струей родного языка, естественных наук, математики, истории. Борьба вокруг школы разделила деревню на два враждующих лагеря, но народ инстинктивно угадывал, что путь к возрождению лежит через школу нового типа [31, л. 16–17 об.]. Перед крымскотатарским социумом стояли и такие важные проблемы, как развитие литературного языка, совершенствование научной терминологии.

Накануне Февральской революции, несмотря на усилия крымскотатарской интеллектуальной элиты по внедрению новых методов, унификации и стандартизации учебного процесса, создать завершенную единую и стройную систему национального образования не удалось. В исследуемый период система народного образования крымских татар представляла синтез усовершенствованных в светском направлении мектебов и медресе. В качестве альтернативы существовала государственная система образования, состоявшая из русско-татарских министерских училищ, земских школ и Симферопольской татарской учительской школы.

Литература

1. По одним архивным документам в конце XIX столетия функционировало 450 мектебов // Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308. По данным, приводимым В.Ю. Ганкевичем, [7]. См.: Джадідістська реформа просвіті кримських татар (межа XIX–XX ст.) 07.00.02. Всесвітня історія: діс. ... докт. іст. наук. – Симферополь, 2000.

2. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.

3. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.

4. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.

5. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.

6. *Андрієвський Ф.Н.* Мусульманський мектеб и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (исторический очерк). – Симферополь: Изд-во Таврического губернского земства, 1908.

7. *Ганкевич В.Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998.

8. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.

9. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.

10. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308. Л. 135–137.

11. *Хайрулдинов М.А.* Этнопедагогика крымскотатарского народа. – Киев: Науковий світ, 2002.

12. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.
13. Б. а. Из Алупки // Терджиман. – 1904. – 9 апреля.
14. ГАРК. Ф. 60. Оп. 2. Д. 27.
15. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10482.
16. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2360.
17. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998. – С. 121–122; Хайредінова З.З. Виникнення і розвиток Таврійського магометанського правління (кінець XVIII – початок XX ст.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Киев, 2003.
18. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 12647.
19. Б. а. Крымская Автономная Советская Социалистическая республика // БСЭ. – М.: ОГИЗ, 1937. – Т. 35.
20. Крымская область. Учебные заведения // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1973. – Т. 13.
21. Паначин Ф.Г. Народное образование // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1977. – Т. 24 (т. 2).
22. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.
23. «Живая» история Гаспринского. По материалам газеты «Терджиман» 1883 – 1914 гг. / сост. И.А. Керимов. – Симферополь: Тарпан, 1999.
24. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.
25. ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2308.
26. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10482.
27. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11583.
28. Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах. Ч. I. К истории религиозных притеснений крымских татар. Приложение секретные документы. – Баку: Издание Союза мусульманской трудовой интеллигенции. – Ч. 2. 1919.
29. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11583.
30. ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 13207.
31. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1299.
32. ГАРК. Ф. Р. – 652. Оп. 1. Д. 208.

References

1. According to one archival documents, 450 mektebs functioned at the end of the 19th century. See: State archive of the Republic of Crimea (HARK). F. 100. Op. 1. D. 2308. According to V.Yu. Gankevich, 562. See: Jadid Reform of Crimea Tatars (19–20th Century) 07.00.02. World History. Doctoral Thesis. – Simferopol, 2000. (in Russian)
2. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
3. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
4. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
5. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
6. Andrievsky F.N. Muslim Mekteb and Their Role with the Tatar People on the Crimean Peninsula (historical essay). – Simferopol, publishing house of Taurida Province, 1908. (in Russian)
7. Gankevich V.Yu. Essays on the History of the Crimean Tatars Education (Reformation of Ethno-Confessional Educational Institutions of Muslims in the Taurida Province in the 19th – Early 20th Century). – Simferopol: "Tavria", 1998. (in Russian)
8. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
9. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
10. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308. LL. 135–137.
11. Khairuddinov M.A. Ethnopedagogy of the Crimean Tatar People. – K: from-"Naukovy Svit". – 2002. (in Russian)

12. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
13. (The author is not indicated) From Alupka // *The Terjiman*. – 1904, April 9 (in Russian)
14. GARK. F. 60. Op. 2. D. 27.
15. GARK. F. 27. Op. 1. D. 10482.
16. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2360.
17. Gankevich V.Yu. Essays on the History of Crimean Tatar Ethnic Education (Reformation of Ethno-Confessional Educational Institutions of Muslims in Taurida Province in the 19th – Early 20th Century). – Simferopol: "Tavria", 1998. – P. 121–122; Khayredinova Z.Z. Viniknennya I rozvitok Tavriyskoho Mohammedan rule (kinets XVIII – cob XX art.) autoref. dis. ... kand. ist. sciences: 07.00.02. – Kiev, 2003. (in Russian)
18. GARK. F. 27. Op. 1. D. 12647.
19. (The author is not indicated) Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic // BSE. / Moscow: ogiz, 1937. Vol. 35. (in Russian)
20. The Crimea Province: Educational Institutions // BSE. – 3rd ed. – M., 1973. – T. 13. (in Russian)
21. Panachin F. G. Public Education // BSE. – 3rd ed. – M., 1977.– Vol. 24 (vol. 2). (in Russian)
22. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
23. "Living" History by Gasprinsky. Based on the materials of *The Terjiman* Newspaper. 1883 – 1914 / ed. I.A. Kerimov. – Symphero-Paul "Tarpan", 1999. (in Russian)
24. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
25. GARK. F. 100. Op. 1. D. 2308.
26. GARK. F. 27. Op. 1. D. 10482.
27. GARK. F. 27. Op. 1. D. 11583.
28. Krichinsky A. Essays on Russian Politics on the Periphery. Part One. On the History of Religious Oppression of the Crimean Tatars. With confidential documents attached. Baku: publication of the Union of Muslim Intelligentsia. – Part 2. 1919. (in Russian)
29. GARK. F. 27. Op. 1. D. 11583.
30. GARK. F. 27. Op. 1. D. 13207.
31. GARK. F. 64. Op. 1. D. 1299.
32. GARK. F. R. 652. Op. 1. D. 208.